

Филологические науки

<https://www.doi.org/10.33910/1992-6464-2022-204-179-187>

В. Д. Черняк, К. П. Сидоренко, Е. П. Носова

**ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО И ЧТО ТАКОЕ ПЛОХО:
О ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ
ФЕНОМЕНОВ ИЗ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «20-512-18006 Болг_а» («Вербализация культурной памяти: прецедентика в тезаурусе молодого поколения России и Болгарии»)

К текстам детской литературы восходит значительное количество прецедентных феноменов, получивших широкое или относительно широкое употребление. Их статус закреплён в словарях различных типов, от общих толковых до специальных справочников по интертекстовым единицам, прежде всего – крылатых слов и выражений. Современное развитие интертекстематики подошло к созданию лексикографического описания и систематизации этой части интертекстуального тезауруса как особого пласта нашей культурной памяти. В статье описан опыт создания словаря прецедентных феноменов, связанных с детской литературой и детским чтением, приводятся словарные статьи и примеры словарного осмысления интертекстовых единиц.

Ключевые слова: прецедентные феномены, крылатые слова и выражения, словарное описание, культурная память, интертекстовая деривация

V. Chernyak, K. Sidorenko, E. Nosova

**WHAT IS GOOD AND WHAT IS BAD: ON LEXICOGRAPHIC REPRESENTATION
OF PRECEDENT PHENOMENA FROM CHILDREN'S LITERATURE**

This research was supported by the Russian Foundation for Basic Research as part of the project Verbalisation of Cultural Memory: Precedence in the Vocabulary of Young Russians and Bulgarians, project No. 20-512-18006 Bolg_a.

Many of the precedent phenomena that are in widespread or relatively widespread use go back to literary texts, including children's literature. Their status is reflected in dictionaries of various types—from general explanatory ones to special reference books on intertextual units, primarily, winged words and expressions. Contemporary intertextematics has come up with the idea to develop lexicographic description and systematisation of winged words and expressions as a special layer of cultural memory. The article describes the experience of creating a dictionary of precedent phenomena related to children's literature. It provides examples of dictionary entries and analysis of intertextual units.

Keywords: precedent phenomena, winged words and expressions, dictionary description, cultural memory, intertextual derivation

Детский читательский опыт навсегда отпечатывается в памяти практически любого носителя русского языка. Мы помним мно-

гочисленные имена, фрагменты текстов, которые читали (а еще раньше — слушали) в детстве, словесно реагируем цитатой

на события, факты. «Детский опыт во многом определяет мировосприятие взрослого» [15, с. 127]. Прецедентные феномены из текстов детской литературы остаются в тезаурусе языковой личности на всю жизнь и в определенном смысле могут считаться фундаментом национально-культурного кода, поскольку являются общей частью культурной памяти людей разного возраста, образования, круга чтения. Они активно используются в коммуникации — в публицистике, в художественной литературе и в повседневной речи, являются элементом «речевых одежд» города. Использованные в заголовке слова из стихотворения В. Маяковского, по данным Национального корпуса русского языка, встречаются в самых разнообразных текстах — от философских размышлений до массовой литературы.

Объем понятия «детское чтение» достаточно широк: это и стихи для самых маленьких, и русские народные сказки, и классические сказки зарубежных авторов, и советская литература для детей, и современные фэнтези. Многочисленные следы этих текстов представлены в интертекстовом корпусе, который формируется на основе импринтинга — реакции запечатлевания [3, с. 181].

Ряд слов и выражений, соотносимых с детским чтением, закрепляется в системе языка и находит свое место в толковых словарях. Так, в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [11] присутствуют статьи, посвященные прецедентным единицам, связанным с детской литературой (*Айболит, Баба-Яга, Жар-Птица, Золушка, Незнайка, Русалочка, Снегурочка, Тимуровец*). Компоненты, восходящие к текстам детской литературы, представлены также во «фразеологической части» словарных статей либо в качестве иллюстративного материала.

Устойчивость изучаемых интертекстовых единиц проявляется, в первую очередь, в том, что значительная их часть прошла процесс фразеологизации. Такие обороты, как *золотая рыбка, принцесса на горошине,*

последний из могикан вошли в лексико-фразеологическую систему русского языка как ее особые единицы — цитатные фразеологизмы. Их статус последовательно подкрепляется фиксацией во фразеологических словарях. Например, в двухтомном «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А. И. Федорова находим словарные статьи *золотая рыбка, голый король, у разбитого корыта* и др. [14]. В «Академический словарь русской фразеологии» включены фразеологизмы *богатенький Буратино, кому вершки, кому корешки* и др. [1].

«Детские» прецедентные феномены неизменно включаются в корпус специализированных словарей интертекстовых единиц (крылатых слов и выражений). Это выражения, «превратившиеся в языковые единицы, <...> обладающие воспроизводимостью, устойчивостью компонентного состава и грамматической структуры <...>, а также стабильностью семантики, закрепленной за каждым оборотом в языковом узусе» [19, с. 5]. В «Словаре крылатых слов и выражений нашего времени» Л. П. Дядечко [4] находим словарные статьи *Алиса в Стране чудес* (Л. Кэрролл), *дама сдавала в багаж...* (С. Маршак), *дедушка Мазай и зайцы* (Н. Некрасов), *дерни за веревочку — дверь и откроется* (Ш. Перро), *Карлсон, который живет на крыше* (А. Линдгрэн), *Конек-горбунок* (П. Ершов), *я б в рабочие пошел* (В. Маяковский) и др.

Выражения *Акела промахнулся, Великий и ужасный, Железный Дровосек, Поле чудес, пациент скорее жив, чем мертв, наша Таня громко плачет* и мн. др., как показывают наши наблюдения, обладают афористичностью, сохраняют связь с источником как своей деривационной базой. Подобного рода единицы можно соотнести с тем, что В. Н. Телия называет фразеологией-6: это воспроизводимые в готовом виде обороты, не ставшие единицами языка, близкие к цитации в ее традиционном понимании [13, с. 75].

Особенно прочное место в тезаурусе языковой личности занимают имена персонажей

детских книг. Такие прецедентные имена, как *Айболит*, *Буратино*, *Чиполлино*, *Незнайка*, *Золушка*, *Маугли* и мн. др. обладают большим прагматическим потенциалом.

Хотя, как отмечено выше, прецедентные феномены из текстов детской литературы достаточно широко представлены в лексикографических изданиях, этот тип воспроизводимых единиц заслуживает специального словарного описания. Задача создания такого словаря, отражающего важный фрагмент интертекстуального тезауруса языковой личности [6], соотносится с актуальным сегодня антропоцентрическим направлением в лексикографии.

Опыт описания устойчивых слов и выражений из детской литературы был предпринят нами в издании «Крошка-сын к отцу пришел: опыт словаря прецедентных феноменов из детской литературы» [18]. В качестве заглавия были выбраны слова из стихотворения Владимира Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо» (1925), символизирующие диалог поколений и соотносимые с актуальной сегодня проблемой сохранения национального культурного кода, без которого невозможны ни адекватное понимание текстов, ни эффективное общение представителей разных возрастных, культурных, социальных групп. Культурный код можно рассматривать как «орудие для выражения смыслов, имеющих разные формальные «обличья»» [2, с. 341]. Опыт нашего словаря в значительной степени стимулирован задачей сохранения культурной памяти, национального культурного кода.

Попытка представить в словаре ту часть интертекстуального тезауруса, которая связана с детским чтением, потребовала обращения к широкому и весьма разнородному пласту устойчивых единиц. Подзаголовок — «опыт словаря» — не случаен, поскольку 130 словарных статей представляют лишь скромную часть того, что на самом деле существует в изучаемом фрагменте современного русского интертекстуального пространства.

При составлении словника мы ориентировались на данные основных словарей крылатых слов и выражений, на опросы, проведенные среди школьников и студентов, на ресурсы Национального корпуса русского языка. Мы намеренно сократили материал, восходящий к чрезвычайно значимым источникам (сказки А. С. Пушкина, басни И. А. Крылова), с максимальной полнотой описанные в ряде словарных изданий [7; 8; 9].

В издании в большей степени была реализована ориентация на выражения из советской детской литературы, представляющие доминирующую составляющую детского чтения: *а у нас в квартире газ* (С. Михалков), *Мальчиш-Кибальчиш* (А. Гайдар), *золотой ключик* (А. Толстой), *Незнайка* (Н. Носов), *старик Хоттабыч* (Л. Лагин), *королевство кривых зеркал* (В. Губарев) и др.

В то же время достаточно широко представлены в словаре прецедентные феномены из текстов русской литературы, традиционно входящих в круг детского чтения: *все равны, как на подбор* (А. Пушкин), *дед Мазай* (Н. Некрасов), *аленький цветочек* (С. Аксаков), *лягушка-путешественница* (В. Гаршин), *хозяйка медной горы* (П. Бажов). Вместе с тем очевидно, что этот богатейший ресурс в процессе дальнейшей работы над словарем требует более полного описания и серьезной интерпретации.

Важным явился и такой источник, как русские народные сказки. Этот ресурс дает многочисленные цитаты, собирательные образы, прецедентные имена, устойчивые речевые формулы: *в некотором царстве, в некотором государстве, вот и сказке конец, а кто слушал — молодец*, *Баба-Яга*, *Змей-Горыныч*, *серый волк*, *Иван-дурак*, *Кощей Бессмертный* и т. п.

В «опыт словаря» вошли прецедентные феномены из зарубежных источников: *все страньше и страньше, все чудесатее и чудесатее* (Л. Кэррол), *Дюймовочка* (Х. Андерсен), *Золушка* (Ш. Перро), *кошка, которая*

гуляла сама по себе (Р. Киплинг), Фрекен Бок (А. Линдгрэн) и др.

Количество приводимых иллюстраций в словарных статьях зависело от лексикографически оправданных функциональных вариантов интертекстовых единиц и не обусловливалось фактической представленностью (частотностью) выражений в исследуемых источниках.

Особого внимания требовало достаточно распространенное «наложение» источников ряда прецедентных феноменов, когда единица из текста детской литературы пересекается с текстом киноверсии или мультфильма. Нередко именно мультфильмы актуализируют литературный текст и занимают лидирующее положение в атрибуции и осмыслении той или иной единицы словарного описания [17]. Органичное соединение в культурном пространстве литературного текста и мультфильма отражает важные качества современной социокультурной ситуации (значимость визуального представления информации, изменение круга чтения, инфантилизация языковой личности, карнавализация языка и речи). Это явление требует и лексикографической интерпретации. Отметим, что интертекстовое лексикографирование мультфильмов нашло отражение в специальном лексикографическом издании С. Г. Шулежковой [20]. В этом словаре наблюдается заметная связь мультфильмов и лежащих в их основе литературных текстов.

В нашем словаре также выделяются единицы, отчетливо сохраняющие цитатный характер. При использовании они нередко закавычиваются: *а за ним комарики на воздушном шарике; а орешки не простые, все скорлупки золотые, ядра — чистый изумруд; в меру упитанный мужчина в полном расцвете сил; вот и сказке конец, а кто слушал — молодец; все равно его не брошу, потому что он хороший; у меня зазвонил телефон* и т. п.

Значительная часть представленных в словаре выражений, как уже отмечалось, фразеологизируется, связь с мотивирующим

источником при этом ослабевает: *битый небитого везет; волк и семеро козлят; великий и ужасный; все равны как на подбор; где это видано, где это слыхано; золотой ключик; серый волк* и т. п.

Особое место в словаре занимают прецедентные имена: *Айболит (доктор Айболит), Баба-Яга, братец-Кролик, Карабас Барабас, Василиса Прекрасная, Гулливер, Иванушка-дурачок, Чебурашка* и мн. др. К прецедентным именам типологически примыкают и номинации прецедентных персонажей — *бандерлоги, дуболомы, муха-цокотуха* и пр.

Словарная статья содержит обязательные компоненты, но она вариантна, ее содержание зависит от специфики описываемой единицы. После заголовочного комплекса (вокабулы) дается краткая справка об источнике. Ср.:

ДЮЙМОВОЧКА. Героиня сказки Г.-Х. Андерсена «Дюймовочка», девочка маленького роста, размером с дюйм; **ДЯДЯ СТЕПА.** Персонаж поэмы С. Михалкова, добрый милиционер огромного роста; **БАРОН МЮНХГАУЗЕН.** Герой рассказов о невероятных приключениях, рассказанных якобы им самим и известных по книге Р. Э. Распе. Российские дети знакомы с бароном Мюнхгаузеном по авторизованному переводу К. Чуковского.

Во многих случаях представлен фрагмент текста-источника. Дискуссионной остается проблема объема цитируемого фрагмента. Так, например, в стихотворении К. Чуковского «Телефон» к интертекстуальным высказываниям можно отнести практически любой его фрагмент. В нашем словаре приводится высказывание «У меня зазвонил телефон», а ряд других прецедентных высказываний читатель обнаружит в приведенном отрывке.

При необходимости в словаре указываются возможные варианты прецедентных имен: *Коцей (Кацей) Бессмертный; Иван-дурак, (Иванушка-дурачок).*

Нередко словарная статья сопровождается фрагментами текстов, в которых отражены особенности прецедентного феномена,

комментируется его место в ряду других произведений детской литературы. Например:

[Словарная статья **МАМЫ РАЗНЫЕ НУЖНЫ, МАМЫ ВСЯКИЕ ВАЖНЫ**] «Близость стихов С. Михалкова к народной поэзии подтверждается тем, что многие их строки вошли в обиходный разговорный язык: “Из районных великанов самый главный великан”, “Мы с приятелем вдвоем замечательно живем”, “Мамы разные нужны, мамы всякие важны” и т. д. (К. Чуковский. От двух до пяти)»: «В словарной статье **БУРАТИНО** приводятся высказывания, где естественно пересекаются прецедентные имена из разных текстов, представленные в интертекстуальном тезаурусе. Они структурируют интертекстовое поле, актуализируя разные фрагменты культурной памяти читателя. В *Незнайке* Н. Носова обнаружился приметы гоголевского *Хлестакова*, в образе *Электроника* проступили черты азимовских *големов*, а *Буратино* — в зависимости от времени экранизации его приключений — становился то сталинским соколом, то диссидентом-“шестидесятником”, то социальным аутсайдером» (Р. Арбитман. Ленин, Шапокляк и другие).

В описании прецедентной единицы значима языковая рефлексия носителей языка, что находит отражение в словарных статьях. Например, высказывание *Акела промахнулся* в интернет-общении комментируется так:

«“*Акела промахнулся, Акела промахнулся!*” Вспомнили откуда это? А что это значит? Если *Акела промахнулся*, это значит, стае нужен новый вождь. Само выражение означает злорадство из-за чужого промаха. *Акела* был лидером волчьей стаи и на охоте не имел права *промахиваться*, иначе он автоматически становится “мертвым волком”, физически он жив, но его лидерские позиции рухнут» (Макошь. *Акела промахнулся?! Или анатомия злорадства*) [18, с. 17].

Важнейшей частью каждой словарной статьи является описание особенностей использования прецедентной единицы в речи. Чаще всего они представлены в упрощенной

формуле «О чем-то...» или «О ком-то...». Ср.: **ГАРРИ ПОТТЕР**. О мальчишке, наделенном феноменальными свойствами; **ВЕЛИКИЙ И УЖАСНЫЙ**. О человеке, который преувеличивает свои силы, талант, возможности и т. д. (ирон.); **ВЛАДЕЛЕЦ ЗАВОДОВ, ГАЗЕТ, ПАРОХОДОВ**. Об очень богатом человеке; **ВОЛАН-ДЕ-МОРТ**. О том, чье имя не называют.

Следы детского чтения проявляются многосторонне, в различных типах текстов, в СМИ, в том числе в политическом дискурсе [10], в массовой литературе [16], рекламе, различных городских наименованиях. Многообразие этих проявлений призван отразить наш словарь. Обращение к широкому кругу контекстов позволяет выявить реализуемые в речи значения прецедентных феноменов или воспроизводимые в коммуникации смыслы. Показательными в этом отношении являются многочисленные примеры из книги А. Толстого «Приключения Буратино». Не случайно Ю. С. Степанов включил Буратино в число констант русской культуры. «Кто в России теперь не знает веселого деревянного человечка с длинным носом — *Буратино!* Его любят и дети, и взрослые, которые еще недавно, в детстве, были детьми. Едва ли не в каждой семье есть, почти ее член, кукла *Буратино*, или шоколадка “*Буратино*”, или бутылочки сладкой детской воды “*Буратино*”, или конфеты, вафли, жевательная резинка “*Буратино*”. Все постоянно смотрят мультфильмы, “мультики” про *Буратино*, спектакли про *Буратино* <...> *Буратино* — не просто кукла, это концепт русской культуры» [12]. В словаре показано, как в речи представлены достаточно частотные значения этого прецедентного имени: «О неуравновешенных детях»; «О глуповатом, недалеком человеке», а также устойчивые сравнения с образом Буратино, связанные, прежде всего, с его длинным носом. Имя *Карабас-Барабас* устойчиво используется в шутивно-отрицательной оценке руководителя, политика, использующего жесткие формы управления подчиненными; пара *лиса*

Алиса и кот Базилио — при характеристике плутовства, обмана; *Мальвина* — при описании женщины с голубыми волосами.

Наиболее частотные случаи употребления прецедентного феномена приводятся в начале словарной статьи, в конце — редкие или единичные употребления, случаи обыгрывания выражений. Например:

ПОЛЕ ЧУДЕС

О мошенничестве, обмане.

Всем людям, которые доверяют свои деньги всяким мутным конторам, обещающим прибыль в размере 20–100% годовых от вложенных средств, почитать про *Поле Чудес* просто необходимо. Способов «упаковки» развода много, но суть одна: мошенники предлагают закопать ваши деньги на Поле Чудес в Стране Дураков и вырастить для вас золотое дерево (Поле чудес в Стране Дураков и доверчивый Буратино) [18, с. 152].

Уж сколько раз такое вложение капитала оказывалось равным вложению Буратино на знаменитом *Поле Чудес*, а нашему народу все нипочем (В. Быков, О. Деркач. Книга века).

О стремлении к легкому обогащению.

У Буратино отлично развита коммерческая жилка — с раннего детства пытается продать азбуку, вырастить на *Поле Чудес* денежное дерево — в общем быстро заработать деньги (Н. Навроцкая. Выйти замуж... за принца? // Психология на каждый день, 2010).

Нынче в России компьютерщина, действительно, что твое *Поле Чудес* в стране дураков, только не «крекс, фекс, пекс», а скажи ты «e-gov», и тогда за ночь вырастет тебе тенистое дерево госфинансирования со сто-долларовыми ассигнациями вместо листьев (В. Баранов. Государство, информация и начальники // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.12.07).

Название популярной телепрограммы как символ популярного шоу, дающего возможность любому участнику представить себя и получить ценный подарок.

Дешево и сердито. Бесплатные подарки на «*Поле чудес*». Интересно все-таки, кто,

в конечном итоге, за них платит? (А. Геласимов. Год обмана).

Один депутат, играя в «*Поле чудес*», никак не мог отгадать две буквы, чтобы получилась фамилия знаменитого русского поэта (Н. Богословский. Заметки на полях шляпы).

Как правило, учитываются устойчивые ассоциативные связи, а также интертекстуальные связи в тексте и динамика интертекстуального тезауруса. Покажем это на примере нескольких словарных статей.

Словарная статья **ВОЛК И СЕМЕРО КОЗЛЯТ** делится на сегменты «*волк*» и «*семеро козлят*», определяющие ее структуру и содержание. Чаще всего прецедентный феномен используется для характеристики враждебных отношений между родителями и детьми:

Где гарантия, что выращенные «*семеро козлят*» не взглянут потом на своих родителей, как на чужого и враждебного волка? (Труд, 2001.04.05).

Получает осмысление и другой интертекстовый дериват, используемый в значении — «о проблемах, возникающих в связи с многодетностью»:

Конкурентов у медиа-холдинга «Московское время» полно, а темка для «журналистского расследования» вполне подходящая, особенно если у Петра Борисовича остались жена и *семеро козлят*, один другого меньше (Т. Устинова. Подруга особого назначения).

Оппозиция *волк* — *козлята* нередко используется в политическом дискурсе для описания международных отношений, расстановки политических сил:

Ситуация вокруг России и «большой *семерки*» напоминает сказку «*Волк и семеро козлят*» (Комсомольская правда, 2002, 1.05).

Компонент «*семеро*» дает кодериват — «большое количество», создающий возможности обобщенной характеристики множественности (в заметке о вместительных автомобилях):

Лев и семеро козлят. Кто-то подсчитал, что большинство европейских машин возят

постоянно одного-двух человек. Но Peugeot решили пойти от обратного — в качестве опции вы можете заказать два дополнительных сиденья и путешествовать *всемером!* Если у вас в семье пятеро детей (Д. Гронский. Семеро одного).

Лексикографическое осмысление слов **А У НАС В КВАРТИРЕ ГАЗ** из стихотворения С. Михалкова «А что у вас?», актуализация при их использовании наиболее типичных ассоциативных связей в тезаурусе языковой личности ведут к возникновению смыслового блока «о проблемах газоснабжения»:

А у нас в квартире газ. Представьте себе, что через полтора часа горения двух конфорок концентрация в воздухе кухни диоксида углерода, сернистого газа, предельных и непредельных углеводородов в пять раз превышает предельно допустимую даже для промышленных предприятий! (Семейный доктор, 2002, 15.12).

Коммуникативно-прагматический потенциал этого высказывания обнаруживается в использовании его в качестве шуточной реплики (ответ на вопрос «А что у вас?», обычно в демагогическом общении):

Теперь на любой вопрос «А что у вас?» — с демократией, с правами человека, с коррупцией, наконец, — Россия может уверенно ответить: «А у нас в квартире газ» (Д. Быков. А у нас в квартире газ).

Нередко прецедентные феномены, особенно те, которые связаны со стихотворениями К. Чуковского, А. Барто, С. Михалкова, С. Маршака, используются в качестве стандартных коммуникативных клише. Ср., например: **МЫ С ТАМАРОЙ ХОДИМ ПАРОЙ** (в шуточной оценке совместных действий, интересов, сотрудничества); **ДЕЛО БЫЛО ВЕЧЕРОМ, ДЕЛАТЬ БЫЛО НЕЧЕГО** (как шутивная вступительная фра-

за при описании каких-либо событий, происшествий).

Содержание словарных статей показывает закономерность того, что Ю. Н. Караулов называл «реинтерпретируемостью» прецедентного текста [5]. Ассоциативная специализация цельного прецедентного высказывания определяет направления интертекстовой деривации, отраженные в структуре словарной статьи. Такие семантические векторы могут контрастировать в содержательном аспекте. Ср., например: **ЗОЛУШКА** дает содержательные блоки: о девушке из простой семьи, удачно вышедшей замуж; о том, чья судьба чудесным образом изменилась; о ком-либо, кто потерял обувь; о ком-либо, кто внезапно ушел, исчез.

Работа над лексикографированием прецедентных феноменов из детской литературы выявила целый ряд проблем как собственно лексикографического характера (объем словарика, однотипность / вариативность структуры словарной статьи, доля в ней энциклопедической информации, полижанровость цитат, отражение функционирования описываемых единиц в устной речи и т. п.), так и социокультурного. Изменение круга чтения современного ребенка ведет и к изменению культурного кода, создающему препятствия в культурном диалоге поколений. Хотя не все тексты детской литературы оказываются в круге чтения современного ребенка, образованный носитель русского языка должен ориентироваться в том интертекстуальном богатстве, которое складывалось на протяжении десятилетий, поэтому наш «опыт словаря» в значительной степени ориентирован на учителя, на преподавателя русского языка как неродного или как иностранного. Он будет полезен и студенту-филологу, стимулируя его наблюдения над меняющимся интертекстуальным багажом молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А. Н., Вознесенская М. М., Добровольский Д. О. и др. Академический словарь русской фразеологии. М.: ЛЕКСРУС, 2015. 1168 с.

2. *Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 600 с.
3. *Дядечко Л. П.* Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современность. Киев: ИПЦ «Киевский университет», 2002. 291 с.
4. *Дядечко Л. П.* Словарь крылатых слов и выражений нашего времени. М.: Словари XXI века, 2019. 624 с.
5. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2007. 216 с.
6. *Кузьмина Н. А.* Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации. М.: Либроком, 2018. 272 с.
7. *Мокиенко В. М., Сидоренко К. П.* Школьный словарь крылатых выражений Пушкина. СПб.: Нева, 2005. 800 с.
8. *Мокиенко В. М., Семенец О. П., Сидоренко К. П.* Большой словарь крылатых выражений А. С. Грибоедова («Горе от ума») / под общ. ред. К. П. Сидоренко. М.: «ОЛМА Медиа Групп», 2009. 800 с.
9. *Мокиенко В. М., Сидоренко К. П.* Крылатые слова басен Ивана Андреевича Крылова: словарь. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2018. 794 с.
10. *Носова Н. П., Черняк В. Д.* Вспоминая детство... (об одном типе прецедентных феноменов в политическом дискурсе) // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С. 33–42.
11. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7 500 фразеологических выражений. М.: Азъ, 2006. 955 с.
12. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
13. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
14. *Федоров А. И.* Фразеология русского литературного языка: в 2-х т. Новосибирск: Наука, 1995.
15. *Чернейко Л. О.* Как рождается смысл: смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы ее моделирования. М.: Гнозис, 2017. 206 с.
16. *Черняк В. Д., Носова Е. П.* Прецедентные феномены, мотивированные детским чтением в заглавиях массовой литературы // Печать и слово Санкт-Петербурга: сборник научных трудов. СПб.: СПбГУПТД, 2018. С. 294–298.
17. *Черняк В. Д., Ли Х.* Прецедентные феномены: между книгой и мультфильмом // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2020. № 196. С. 223–229. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2020-196-223-229>
18. *Черняк В. Д., Сидоренко К. П., Носова Е. П.* Крошка сын к отцу пришел: Прецедентные имена и высказывания из детской литературы. Опыт словаря / отв. ред. В. Д. Черняк. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 216 с.
19. *Шулежкова С. Г.* Словарь крылатых выражений из области искусства. М.: Азбуковник, 2003. 430 с.
20. *Шулежкова С. Г.* Не смешите мои подковы!: словарь крылатых выражений из мультфильмов. Магнитогорск: Магнитогорский дом печати, 2018. 179 с.

REFERENCES

1. *Baranov A. N., Voznesenskaya M. M., Dobrovol'skij D. O. i dr.* Akademicheskij slovar' russkoj frazeologii. М.: LEKSRUS, 2015. 1168 s.
2. *Berezovich E. L.* Yazyk i traditsionnaya kul'tura: Etnolingvisticheskie issledovaniya. М.: Indrik, 2007. 600 s.
3. *Dyadechko L. P.* Krylatye slova kak ob'ekt lingvisticheskogo opisaniya: istoriya i sovremennost'. Kiev: IPTs "Kievskij universitet", 2002. 291 s.
4. *Dyadechko L. P.* Slovar' krylatykh slov i vyrazhenij nashego vremeni. М.: Slovare XXI veka, 2019. 624 s.
5. *Karaulov Yu. N.* Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. М.: LKI, 2007. 216 s.
6. *Kuz'mina N. A.* Intertekst: tema s variatsiyami. Fenomeny kul'tury i yazyka v intertekstual'noj interpretatsii. М.: Librokom, 2018. 272 s.
7. *Mokienko V. M., Sidorenko K. P.* Shkol'nyj slovar' krylatykh vyrazhenij Pushkina. SPb.: Neva, 2005. 800 s.
8. *Mokienko V. M., Semenets O. P., Sidorenko K. P.* Bol'shoj slovar' krylatykh vyrazhenij A. S. Griboedova ("Gore ot uma") / pod obshch. red. K. P. Sidorenko. М.: "OLMA Media Grupp", 2009. 800 s.
9. *Mokienko V. M., Sidorenko K. P.* Krylatye slova basen Ivana Andreevicha Krylova: slovar'. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2018. 794 s.
10. *Nosova N. P., Chernyak V. D.* Vspominaya detstvo... (ob odnom tipe pretsedentnykh fenomenov v politicheskom diskurse) // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 2 (56). S. 33–42.

-
11. *Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu.* Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 72 500 slov i 7 500 frazeologicheskikh vyrazhenij. M.: Az', 2006. 955 s.
  12. *Stepanov Yu. S.* Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1997. 824 s.
  13. *Teliya V. N.* Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticeskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. M.: Shkola "Yazyki russkoj kul'tury", 1996. 288 s.
  14. *Fedorov A. I.* Frazeologiya russkogo literaturnogo yazyka: v 2-kh t. Novosibirsk: Nauka, 1995.
  15. *Chernejko L. O.* Kak rozhdaetsya smysl: smyslovaya struktura khudozhestvennogo teksta i lingvisticheskie printsipy ee modelirovaniya. M.: Gnozis, 2017. 206 s.
  16. *Chernyak V. D., Nosova E. P.* Pretsedentnye fenomeny, motivirovannye detskim chteniem v zaglaviyakh massovoj literatury // Pechat' i slovo Sankt-Peterburga: sbornik nauchnykh trudov. SPb.: SPbGUPTD, 2018. S. 294–298.
  17. *Chernyak V. D., Li Kh.* Pretsedentnye fenomeny: mezhdru knigoj i mul'tfil'mom // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. 2020. № 196. S. 223–229. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2020-196-223-229>
  18. *Chernyak V. D., Sidorenko K. P., Nosova E. P.* Kroshka syn k ottsu prishel: Pretsedentnye imena i vyskazyvaniya iz detskoj literatury. Opyt slovarya / otv. red. V. D. Chernyak. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2021. 216 s.
  19. *Shulezhkova S. G.* Slovar' krylatykh vyrazhenij iz oblasti iskusstva. M.: Azbukovnik, 2003. 430 s.
  20. *Shulezhkova S. G.* Ne smeshite moi podkovy!: slovar' krylatykh vyrazhenij iz mul'tfil'mov. Magnitogorsk: Magnitogorskij dom pečati, 2018. 179 s.